

Имомзода Мухаммадйосуф САЙДАЛИ¹
Бахтиер Рузикулович РАХМАНОВ²

УДК 821.222.8=161.1

МОТИВЫ МИЛОСТИ И ПРАВОСУДИЯ В «ВОСТОЧНЫХ» ПОВЕСТЯХ Ф. В. БУЛГАРИНА

¹ академик, доктор филологических наук,
профессор-консультант кафедры мировой литературы,
Российско-Таджикский (славянский) университет (г. Душанбе)
rtsu-1996@mail.ru

² кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы,
Российско-Таджикский (славянский) университет (г. Душанбе)
rbtregar@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются «восточные» повести Ф. В. Булгарина, связанные с образом правителя и рассуждениями о принципах управления государством: «Правосудие и заслуга» (Восточная сказка), «Закон и совесть» (Восточное сказание), «Милость и правосудие» (Восточная повесть), в которых автор решает общественно-политическую дилемму — милость и правосудие государя. Появление вышеназванных произведений было закономерным явлением. С одной стороны — влияние «восточной» повести, в которой большое внимание отводится взаимоотношениям людей, различающихся по положению в обществе, и говорится о государях, «озабоченных мыслию» о справедливом правлении и благоденствии подданных (напомним, что в просветительской восточной повести XVIII в. большое место отводилось пропагандированию идей просвещенного абсолютизма). С другой стороны — призыв, содержащийся в повестях Булгарина, к гражданскому служению и уважению к людям разных чинов и происхождений. В связи с тем, что сюжеты и идейное содержание повестей Булгарина вызывают ассоциации с «Книгой тысячи и одной ночи», «Гулиста-

Цитирование: Сайдали И. М. Мотивы милости и правосудия в «восточных» повестях Ф. В. Булгарина / И. М. Сайдали, Б. Р. Рахманов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 4. С. 87-99.
DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-87-99

ном» и «Бустаном» Саади Ширази, а также пьесой А. С. Грибоедова «Горе от ума», в статье ставится вопрос о первоисточниках произведений Булгарина. Кроме того, выявлено, что проблема милости и правосудия, встречающаяся в произведениях Ф. Булгарина, противоположна точке зрения А. С. Пушкина. Правосудие и закон противопоставляются Булгариным милости государя, воспетой Пушкиным. Главной для «восточных» повестей Ф. В. Булгарина является идея конституционной монархии.

Ключевые слова

«Восточные» повести Ф. В. Булгарина, русско-восточные литературные связи, милость и правосудие.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-87-99

Ф. В. Булгарин вошел в русский литературный процесс начала XIX в. с новыми европейскими веяниями — так называемой декларацией буржуазных взглядов: утверждением личности и призывом к гражданскому служению Отчизне, проповедью уважения к людям разных чинов и происхождений, активной, исходя из гражданского и нравственного долга, жизненной позицией. Эти идеи и взгляды противоречили литературным вкусам корифеев русской литературы, дворян-аристократов и власть предержащих. Его антиаристократизм был связан с ответственностью, востребованностью и личным преуспеванием. Обращаясь к власти, Булгарин хотел получить поддержку царя, чтобы утвердиться в литературе и жизни. Эту литературную баталию он проиграл, поэтому стал апеллировать к читателю, в чем и преуспел. «Избранная Булгариным на раннем этапе творчества форма нравоописательного очерка или повести отвечала художественным запросам времени и наиболее адекватно воплощала булгаринскую художественную концепцию современной действительности» [1, с. 30]. Внутренним писательским чутьем он осознал, что необходимо не поднимать злободневные проблемы, а давать ответы, в которых нуждается читатель.

Назидательная тематика прозы Булгарина была характерна самому жанру «восточной» повести: воспевание добродетели и осуждение человеческих пороков. Можно выделить группу произведений писателя, связанных с образом правителя и рассуждениями о принципах управления государством: «Правосудие и заслуга» (Восточная сказка), «Закон и совесть» (Восточное сказание), «Милость и правосудие» (Восточная повесть). Отметим, что эта тематика связана с просветительской идеологией — проблемами государственного устройства и нравственно-этическими нормами власть имущих — правителя и его приближенных. «Просветительские философские повести, начиная с вольтеровских, утверждали культ разума, доказывали необходимость перестройки общества на началах разума и справедливости» [10, с. 304]. Этим произведениям присуща тема взаимоотношений людей, различающихся по своему положению в обще-

стве, и большое внимание здесь отводится правителю — первому члену общества. Главными для просветительской «восточной» повести являются идея просвещенного абсолютизма и критика несправедливого правления, но само государственное устройство (самодержавие) не подвергалось сомнению, хотя в произведениях Булгарина робко звучит идея конституционной монархии.

Повесть «Правосудие и заслуга» (Восточная сказка) снабжена эпиграфом “He was beloved for his just dealing” («Его любили за его справедливость»). Молодой англичанин, изучающий мир, беседует со старцем — Эмиром Гаджи-Муссалемом, глядя на развалины минувших цивилизаций. Все в этом мире бренно, бессмертна душа — «только дела, сотворенные непосредственно душою, не подвергаются тлению» [2, с. 198]. Но достижения восточного мира были переняты Европой, свет науки «возсиял во Франкистине¹». В своей сказке Булгарин говорит в унисон рассуждениям О. И. Сенковского и Н. В. Гоголя о связях Запада и Востока. Античная цивилизация основана на наследии восточного мира, а продвижение халифата и его расцвет оставили свой след в культуре Европы: достижения восточного мира переняли другие народы.

Эмир Гаджи-Муссалем знакомит собеседника с историей, которая произошла с мудрым правителем — Халифом Гарун-аль-Рашидом. «Он заслужил у современников и у потомства прозвание правосудного; а ты знаешь, без сомнения, что где правосудие, там и заслуга; где цари добродетельны, там и народы не могут быть порочными» [2, с. 199]. Халиф во время утренней молитвы, благодаря Бога, дал обет отличить своих подданных и лучшему назначить вознаграждение. Услышав об этом, приближенные начали предлагать кандидатуры.

Оруженосец предложил наградить военачальника, покорившего новые земли, но Халиф отверг это предложение. Война — это смерть и разрушения, и Халиф готов отдать эти деньги пострадавшим в войне. Дефтердар (казначей) считает достойным награды нашедшего новые возможности обогащения казны. Но налоги обременительны народу, и Халиф наставляет своего казначея: «Государя богаты богатством своих подданных, и я скорее наградил бы того, который научил бы меня скорее и успешнее обогатить мой народ» [2, с. 201]. Взгляды Визиря и Кади (судьи) вызвали раздражение Халифа. Визирю Халиф отвечает, что пороку противопоставил правосудие и порядок. Кади поучается Халифом мыслью о правосудии — строжайшем соблюдении закона, чистой совести и пронизательности при различении преступления и погрешности. Льстивый придворный, угождающий правителю и хвалящий его, отчитан Халифом: люди должны судить о его деяниях, а не слепо восхвалять его. Придворные застыдились своей недогадливости, и тогда Халиф задает им вопросы, чтобы натолкнуть на правильную мысль.

«Работники» государства состоят из двух групп: одни насаждают, другие стерегут. Первая группа — образованная: люди и поэты, которые учат их доброте и мудрости, делают счастливыми, убеждением ведут народ к духовному со-

¹ Франкистан подразумевает Европу.

вершенству. Они подобны садовникам, прививающим диким деревьям плодоносные сорта. «Они насаждают в сердцах семена мудрости и добродетели, разгоняют мрак, скрывающий пред людьми истину, и очищают умы от лжи и софизмов, как смоковницу от вредоносных насекомых» [2, с. 203]. Заслуга второй группы — улемов и писателей в предостережении людей от дурных мыслей и поступков, в наставлениях на путь истины: они учат народ, и поэтому Халиф объявил о награде мудрому Гафизу (Хафизу). Этот поступок правителя был одобрен народом. Заключает сказку Булгарина мысль о связи правосудия государя и добродетели народа: «Теперь вижу, что главная потребность рода человеческого, и чистейший источник его счастья, есть правосудие Государей, от которого проистекают все добродетели в народе» [2, с. 205].

Появление вышеназванных произведений Булгарина не случайно, более того, оно закономерно. С одной стороны, присутствует влияние «восточной» повести, в которой говорится о государях, «озабоченных мыслию» о справедливом правлении и благоденствии подданных (напомним, что в просветительской восточной повести XVIII в. большое место отводилось пропагандированию идей просвещенного абсолютизма). С другой стороны, здесь важна тема места и роли поэта в обществе, характерная как для восточной, так и для литературы классицизма и романтизма.

«Восточная» повесть основывалась на восточных сказках, известных русскому читателю по переводам европейских авторов. Первым переводом арабских сказок «Тысячи и одной ночи» на европейские языки является двенадцатитомный французский перевод Антуана Галлана (1704-1717 гг.), в основе которого лежит текст, относящийся к XV в., одного из древнейших собрания рукописей. «Книга тысячи и одной ночи» известна в России и по сокращенному калькуттскому изданию в двух томах (1814-1818), и по первому русскому переводу, выполненному А. Филатовым в 12 томах с издания Галлана, относящемуся к 1763-1771 гг. Как говорится в исследовании В. Н. Кубачевой ««Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века», известны переводы и подражания Пети де ла Круа («1001 день сказки персидские», «Сказки турецкие», 1710-1714), Тамоса-Симона Гелетта («1001 четверть часа. Сказки татарские», 1712; «Китайские сказки», 1725; «Гузартские султанши, или Сны проснувшихся людей. Монгольские сказки», 1732; «1001 час. Сказки перуанские», 1733), Шевалье Дюкло («Пятьсот с половиной утр. Сирийские сказки», 1756), графа Кэйлюся («Новые восточные сказки», 1743-1745) и других анонимных авторов [10].

В восточных сказках читатель находил много примеров о правосудии правителя и добродетели подданных. Так, в «Повести о царе Омаре ибн-Ан-Нумане» (ночь шестидесятая) из «Книги тысячи и одной ночи» говорится следующее: «Властвующему приличествует совершенное умение управлять и безошибочная принципиальность, ибо власть — стержень благополучия в здешней жизни, она есть путь к жизни будущей» [5, с. 104]. Рассуждения о том, что люди движимы страстями и забывают о справедливости, а царям дано распространять справед-

ливость, подводят читателя к мысли: «И нужен им поэтому властитель, чтобы устанавливал он справедливость между ними и устроил их дела» [5, с. 104]. Визирь, традиционно наставляющий царя, упоминает Ардашира¹. Персидский царь говорил, что вера народа — ее сокровище, а власть — стража государства, она должна оказывать справедливость.

Но царю необходима поддержка образованных людей, он должен опираться на ученые общества, поэтому вознаграждение мудрого Гафиза Халифом Гарун-аль-Рашидом в повести Булгарина «Правосудие и заслуга» правомерно в соответствии с восточными сказками: «Сказал посланник Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует: “Если два сословия среди людей праведны, — и люди будут праведны, а если они неправедны, то неправедны и люди, — это ученые и эмиры”» [5, с. 104]; «Лучшее из дел, чтобы царь был справедливым, лекарь — искусным и ученый — сведущим и поступающим согласно своему знанию» [6, с. 28]; «...был в земле египетской султан, справедливый и верный, который любил бедняков и проводил время с учеными;...» [7, с. 150].

В восточной сказке мудрый и справедливый царь почитаем, он остается в памяти народа. Примеров можно привести множество. Так, в «Сказке о Джиллиаде и Шимасе» (ночь восемьсот девяносто девятая): «И был этот царь справедлив в своем царстве, оберегал подданных и одарял малого и большого милостями и подобающей заботой и дарами, охранял спокойствие и безопасность и облегчая подать всем подданным» [6, с. 17-18]; в «Сказке об Аджибе и Гарибе» (Ночь шестьсот восьмидесятая): «И Гариб жил у себя в царстве, справедливо поступая с подданными, и все люди полюбили его...» [8, с. 165]; в «Рассказе о Зу-ль-Карнейне» герой повествования Искандар Зу-ль-Карнейн (Александр Македонский) в походах знакомится с историей царя, душу которого Аллах поместил в своем саду (в смысле — в раю): «Это был царь из царей земли, и был он справедлив к подданным и заботился о жителях своей страны и царства» [9, с. 64].

Но наши поиски первоисточников повестей Булгарина в «Книге тысячи и одной ночи» не увенчались успехом. Дальнейшее исследование привело к «Гулистану» и «Бустану» Саади Шерази. Имя этого персидско-таджикского писателя известно русскому читателю по европейским² и русским переводам: переводы на французский язык Андре де Рие («Гулистан», 1634), на немецкий язык — Адама Олеария («Гулистан», 1651; «Бустан», 1696), на латинский язык — Георга Гентиуса («Гулистан», 1661). Также с сокращенной версии Г. Гентиуса на русский язык «Гулистан» перевел Иоанн Ильинский (1735). А. Р. Гейзер, рассматривая первые встречи персидско-таджикской и русской литературы, упоминает информацию о Саади в «Гербелотовой Восточной

¹ Ардашир — имя трех персидских царей из династии Сасанидов. Здесь имеется в виду Ардашир I, правивший в 223-241 гг.

² Известные кругу ориенталистов переводы на английском языке «Гулистана» Х. Харингтона (1791), Ф. Гладвина (1806), Д. Дюмила (1807).

библиотеке» (Бартелими д'Эрбело «Восточная библиотека»¹); в отдельном анонимном русском переводе «Гулистана» (с неточностями в передаче смысла) — «Басни восточные господина Сент-Ламберта»² (1779), упоминая имя Заади (Саади); в журналах «Утренний свет» (1778), «Покоящийся трудолюбец» (1784), «Приятное и полезное препровождение времени» (1794, 1796).

Русских писателей привлекла позиция Саади, призывающего правителей быть мудрыми и справедливыми: «Саади, известный Европе уже с начала XVII века, в своих «увещеваниях» царям часто высказывал мысли, близкие к просветительской теории «просвещенной монархии»» [3, с. 23]. По его мнению, в обществе, возглавляемом просвещенным правителем, будут искоренены пороки и недостатки. Строки Саади из главы I «О жизни царей» «Гулистана» импонировали европейским и русским просветителям: «У падишаха должно быть великодушие, чтобы (люди) стекались к нему, и справедливость, дабы люди могли жить спокойно под сенью его правления...» [13, с. 73]. О значимости образованных и просвещенных людей в обществе говорится в главе VIII «О правилах общения»: «Государство приобретает красу благодаря ученым... Падишахи нуждаются в обществе мудрецов больше, чем мудрецы в близости падишахам» [13, с. 191]; «Ученый не должен проходить кротко мимо глупости простолюдина, ибо это принесет вред им обоим: убавится уважение к первому, а у второго укоренится его невежество» [13, с. 203]. Важны строки из главы I «О справедливости, мудрости и рассудительности»³ «Бустана» Саади с призывом к справедливому правлению царей:

*Царь — дерево, а подданные корни.
Чем крепче корни, тем ветвям просторней.
Не утесняй ни в чем народ простой.
Народ обидев, вырвешь корень свой.
Путем добра и правды, в божьем страхе
Иди всегда, дабы не пасть во прахе [14, с. 48],
Правителей правдивых назначай,
Умеющих благоустроить край [14, с. 50],
Шах справедливый, истинный мудрец,
Глядит на слуг, как на детей отец [14, с. 54];
О необходимости поддержки образования и просвещения:
О шах, чтоб твердо свой корабль вести,
Ты мудрецов и воинов расти.
Без воинов и мужей познания
Не возведешь ты царственного зданья [14, с. 132].*

¹ d'Herbelot "Bibliothèque orientale ou Dictionnaire universel, contenant tout ce qui fait connaître des peuples d'Orient. Paris, 1697.

² Французский перевод «Гулистана» Сен-Ламбера опубликован в 1769 г.

³ Наставления Ануширвана, иранского царя из династии Сасанидов

Назидательная тематика произведений Саади Шерази будет долгое время привлекать внимание русского общества, а импровизации и подражания станут неотъемлемой частью восточной просветительской повести.

Следующее произведение Булгарина «Закон и совесть» (Восточное сказание) снабжено эпитафией из «Наказа Екатерины Великой, Гл. IX, §98»: «Власть судейская состоит в одном исполнении законов...» и создано с целью пропаганды основополагающего принципа государственности — соблюдения законов. Как уже сказано, Булгарин продолжает традицию «восточной» повести о правосудии и главенстве законов, обеспечивающих спокойствие и порядок в стране, благополучие ее граждан.

Действие происходит в Гранаде, в обширном дворе Алгамбре, где старейшины «творили суд и правду народу». Разбиралась тяжба о наследстве. Одна сторона представляли записи о даре имущества, составленные перед смертью, другая говорила о незаконной форме бумаг. Судьи были в недоумении: признать ли упущения формы и судить по совести или решить законом.

Спор решил Халиф: «Воля и действия граждан должны быть подчинены закону» [2, с. 188]. Человек — слабое существо, которое нуждается в путеводителе, чувства и страсти могут иметь вредные последствия. «Для того установлены законы, которые суть не что иное, как совестное заключение на различные случаи и деяния человеческие, то есть, ум и совесть, облеченные в известные формы, которые каждый гражданин обязан соблюдать во всей строгости» [2, с. 188-189]. Судьи избираются для толкования закона, не отступая от смысла, чтобы провозглашать «совестный приговор по существующим законам» [2, с. 189]. Это решение о приговоре, согласно закону, одобрено народом: заслуживает похвал правитель, управляющий подданными совестно, по законам.

«Милость и правосудие» (Восточная повесть) снабжена эпитафией: “Sobald Gerechtigkeit Hyn wird, wird Friede Seyn und Giuk” («Где правосудие, там мир и счастье»), что подводит читателя к размышлению о правосудии.

Действие повести начинается у ворот Багдада, где встретились в рубищах два человека — нищие, знавшие друг друга в лучшие времена. Гассан страдает из-за «... Демона зависти и злобы»: его отец, пользовавшийся любовью подданных за доброту и справедливость, подло оклеветан. Обманутый Халиф приказал заключить отца в темницу и лишить имущества. Гассан не смеет осуждать мудрого Халифа: «Не ропщу на него, зная, сколь легко человек добродетельный может быть обманут злыми» [2, с. 173]. И часто мудрость человека обманута ухищрениями злобы и зависти, поэтому Гассан идет к правителю открыть истину: «По данному Магаметом праву для всех Мусульман — иду требовать правосудия» [2, с. 173]. Галев же сетует на участь: сам стал причиной падения. Желание денег, тщеславие толкнуло к действиям, но, не имея навыков, не стал ни поэтом, ни воином, ни купцом — крутой нрав и жадность, самолюбие и необузданность привели к разорению. Остался один выход, идти «в Багдад искать милости».

Халиф, не имея возможности заниматься множеством дел, возложил наблюдение за ними на Визиря Юссуфа. Юссуф, в свою очередь, посвятил себя заботам, не утруждаясь должностью. Гассан тщетно пытался довести свою жалобу до вельможи. Галеб же шел другим путем к цели: ласкал псов во дворе, восторгался деревьями во дворце, льстил слугами. Громогласные слова Галеба: «Благословение мудрому вельможе, пекущемуся о доставлении удовольствия просящим его милостей: слава и благоденствие мудрому и доброму Юссуфу!» [2, с. 177] достигли Визиря. На вопрос вельможи, что просит Галеб, был ответ: «Ничего, кроме твоей милости и благоволения...» [2, с. 179].

Гассан так и не добился справедливости, он тщетно надеялся, что Галеб — к этому времени ставший секретарем — доведет до Визиря истину положения дел. Его настойчивость привела к изгнанию. Опять у ворот Багдада встретились Гассан и Галеб: первый в отчаянии и горести, другой верхом и со свитой. Галеб, «торжествующий порок», объяснил положение ситуации. Гассан прав и добродетелен; Галеб — виноват и не может похвалиться добродетельными чертами характера. Но Галеб приблизился к знати, а Гассан — изгнан, потому что первый искал милости, а второй требовал правосудия.

Завершает повесть изречение мудрого Улема, слышавшего наставления дерзкого любимца счастья. Он утешает Гассана: «В жизни есть много прекрасного и без счастья» [2, с. 184]. Не должен верующий человек с добрым и невинным сердцем предаваться отчаянию, терниям на пути жизни к цветам: «Взгляни на красующуюся землю, на лазоревый свод неба, на сию тьму оживленных существ, наслаждающихся благостию Мироздателя; представь себе живо Промысел, пепись о сохранении всего существующаго, и часто производящий добро из самого зла» [2, с. 184]. В его изречении привлекает внимание мысль о вечном движении жизни, о перемене понятий добра и зла.

Хотелось бы затронуть тему ассоциаций данного произведения с пьесой А. С. Грибоедова «Горе от ума». Вспомним путь Галеба: громогласное восхваление сада Визиря, ласкание и уход за дворовыми собаками, лесть слугам (евнуху, страже, секретарю) и самому Визирю, а главный его помысел — прошу милости. Отношение Галеба к сильным мира сего напоминает героя пьесы Грибоедова «Горе от ума» Молчалина с его жизненным кредо:

*Мне завещал отец:
Во-первых, угождай всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить.
Слуге его, который чистит платья.
Швейцару, дворнику, для избежания зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была [14, с. 124].*

Эти слова перекликаются с «Гулистаном» Саади. В подлиннике они звучат так:

*Дари миру вазиру султонро
Бе василат магард пироман.*

*Сагу дарбон чу ефтанд ғариб,
Ин гиребон-и гирад, он доман [15, с. 49].*

Обратимся к строкам перевода оригинала:

*У порога эмира, визиря (и) султана
Без знакомства не являйся.
Собака и привратник, как только увидят чужого человека, —
Та схватит его за полу, а этот — за ворот [13, с. 83].*

Стихи Саади были знакомы и Грибоедову, и Булгарину. Путь к успеху Галеба в строках Саади обозначен так: «от собаки и привратника к милости визиря и султана». Проявляя интерес к персидско-таджикской литературе, Булгарин использует мотивы «Гулистана» Саади в своем произведении. Это наталкивает на вопрос о первоисточниках произведений Булгарина. Так, в работе Т. Кузовкиной «Булгарин до 14 декабря 1825 г.: к проблеме реконструкции литературной биографии» отмечен и факт перевода: «Прочтя восточные повести Булгарина в «Полярной звезде» 1825 г., А. Е. Измайлов подчеркнул, что они являются переводом с переводов» [11, с. 289]. Нет никакой информации о знании Булгариным арабского или персидского языков, следовательно, он опирался на ориентальные произведения европейских авторов. В данном случае А. Е. Измайлов критикует переводы, сделанные Булгариным с польского языка на русский восточных повестей О. И. Сенковского, переведенных на польский с восточных языков.

Проблема милости и правосудия, встречающаяся в произведениях Булгарина, связана со спором с А. С. Пушкиным. Правосудие и закон противопоставляются первым милости государя, воспетой вторым. По поводу противопоставления их взглядов А. Л. Осипова пишет: «Тема же, вынесенная в заглавие булгаринской притчи 1822 г., приобрела в этот момент отчетливые политические концепции: именно по соотношению правосудия и милости различались характеристики нового государя» [12, с. 592]. С одной стороны, восстановление законности, с другой — мысль Пушкина, где «милость квалифицируется как державное право». Поэтому Булгарин финалом «восточной» повести комментирует свое отношение к этому противопоставлению. «Уязвленный оказывается Гассан, тщетно апеллирующий к правосудию и здравому смыслу, а торжествует Галеб, понимающий милость как незаслуженный дар, вытекающий из самой природы неограниченной власти» [12, с. 593]. Страдания Гассана связаны с правителем, который поддался соблазнам и забыл о своей ответственности перед подданными. В своих повестях Булгарин, вслед за европейскими просветителями, пытается повлиять на взгляды читателей — от рядового обывателя до самого государя: «Они входят в круг просветительской литературы, которая пропагандировала идеи просвещенного абсолютизма и наталкивала читателей на критическое сопоставление идеала с реальными современными государями» [7, с. 305]. Писатель в своем видении государственного устройства идет дальше и высказывает точку зрения европейского человека, осознавшего порочность самодержавия и необходимость закона как фактора правосудия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Н. Н. Ф. В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века: автореф. дисс. доктора филол. наук / Н. Н. Акимова. СПб, 2003. 24 с.
2. Булгарин Ф. В. Сочинения Фаддея Булгарина / Ф. В. Булгарин. СПб, 1830. Часть 5. 226 с. URL: [http: НЭБ.РФ/catalog/000200-000018](http://НЭБ.РФ/catalog/000200-000018)
3. Гейзер А. Р. Первые встречи. Русская литература XVIII и Восток. Источники. «Посредники. Новые факты / А. Р. Гейзер. Берлин-Худжанд, 1998. 47 с.
4. Грибоедов А. С. Сочинения / А. С. Грибоедов. М.: Художественная литература, 1988. 752 с.
5. Книга тысячи и одной ночи: в 8-ми томах / Пер. с араб. М. С. Салье; 2-ое изд. Душанбе: Ирфон, 1982. Т. 2. 368 с.
6. Книга тысячи и одной ночи: в 8-ми томах / Пер. с араб. М. С. Салье; 2-ое изд. Душанбе: Ирфон, 1984. Т. 8. 352 с.
7. Книга тысячи и одной ночи: в 8-ми томах / Пер. с араб. М. С. Салье; 2-ое изд. Душанбе: Ирфон, 1982. Т. 1. 320 с.
8. Книга тысячи и одной ночи: В 8-ми томах / Пер. с араб. М. С. Салье; 2-ое изд. Душанбе: Ирфон, 1984. Т. 6. 384 с.
9. Книга тысячи и одной ночи: в 8-ми томах / Пер. с араб. М. С. Салье; 2-ое изд. Душанбе: Ирфон, 1983. Т. 5. 384 с.
10. Кубачева В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века / В. Н. Кубачева // XVIII век, сб. 5. М., Л., 1962. С. 295-315.
11. Кузовкина Т. Булгарин до 14 декабря 1825 г.: к проблеме реконструкции литературной биографии / Т. Кузовкина // Пушкинские чтения в Тарту 4: Проблемы рефлексии и комментария. Материалы международной конференции. Тарту, 2007. С. 270-299.
12. Осповат А. Л. К источникам пушкинской темы милость — правосудие («восточная» повесть Ф. В. Булгарина) / А. Л. Осповат // Полутропон. К 70-летию В. Н. Торопова. М., 1998. С. 591-595.
13. Саади. Гулистан / Саади; критич. текст, пер., пред-е и прим. Р. М. Алиева // Памятники литературы народов Востока. М.: Издательство Восточной литературы, 1951. 233 с.
14. Саади. Бустан / Саади; пер. В. Державина; сост., пред. и комм. Р. Алиева. Душанбе: Ирфон, 1971. 450 с.
15. Саъдии Шерозӣ. Гулистон / Саъдии Шерозӣ. Душанбе: Дониш, 1988. 322 с.

Imomzoda M. SAIDALI¹
Bakhtiyer R. RAKHMANOV²

**MOTIVES OF FAVOR
AND JUSTICE IN “ORIENTAL” STORIES
BY F. V. BULGARIN**

¹ Academician, Dr. Sci. (Philol.),
Consulting Professor,
Department of the World Literature,
Russian-Tajik (Slavonic) University (Dushanbe)
rtsu-1996@mail.ru

² Cand. Sci. (Philol.),
Associate Professor,
Department of the World Literature,
Russian-Tajik (Slavonic) University (Dushanbe)
rbrregar@mail.ru

Abstract

The article considers “oriental” stories by F. V. Bulgarin connected with image of the governor and reasonings on the principles of government: “Justice and Merit” (oriental fairy tale), “The Law and Conscience” (oriental legend), “Favor and Justice” (oriental story), in which the author solves a social and political dilemma — the favor and justice of the sovereign. Emergence of the above-named works was a natural phenomenon. On the one hand — the influence of the “oriental” story, in which great attention is paid to the relationship of the people of different social position, and it tells about the sovereigns anxious with thought of fair board and prosperity of citizens. We will remind that in educational oriental story of the 18th century the big place was allocated to promotion of ideas of the educational absolutism. On the other hand, in Bulgarin’s stories we see an appeal to civil service and the sermon respect for the person, despite of a rank and an origin. Because

Citation: Saidali I. M., Rakhmanov B. R. 2016. “Motives of Favor and Justice in ‘Oriental’ Stories by F. V. Bulgarin”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 2, no 4, pp. 87-99.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-87-99

plots and ideological contents of stories by Bulgarin cause associations with fairy tales “The Book of Thousand and One Night,” “Gulistan” and “Bustan” of Saadi Sherazi, and A. S. Griboyedov’s play “Woe from Wit”, which arraised the question of primary sources of works of Bulgarin. Besides, it is revealed that a problem of “favor and justice,” in works by Bulgarin, is opposite to the point of A. S. Pushkin view. Justice and the law are opposed by Bulgarin to the favor of the sovereign sung by Pushkin. The main idea of “eastern” stories is constitutional monarchy.

Keywords

F. V. Bulgarin’ oriental stories, Russian oriental literary communications, favor and justice.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-87-99

REFERENCES

1. Akimova N. N. 2003. “F. V. Bulgarin v literaturnom kontekste pervoy poloviny XIX veka” [F. V. Bulgarin in the Literary Context of the First Half of the XIX Century]. Dr. Sci. (Philol.) diss. abstract. St. Petersburg.
2. Bulgarin F. V. 1830. Sochineniya Faddeya Bulgarina [The Works by Faddey Bulgarin]. Part 5. St. Petersburg. <http://NEB.RF/catalog/000200-000018>
3. Geyzer A. R. 1998. Pervye vstrechi. Russkaya literatura XVIII i Vostok. Istochniki. Posredniki. Novye fakty [The First Meetings. Russian Literature XVIII and East. Sources. Mediators. New Facts]. Berlin-Khudzhand.
4. Griboedov A. S. 1988. Sochineniya [Writings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Kubacheva V. N. 1962. “‘Vostochnaya’ povest v russkoy literature XVIII-nachala XIX veka” [The “Oriental” Novel in the Russian Literature of XVIII-Early XIX Century]. In: XVIII vek, sb. 5, pp. 295-315. Moscow, Leningrad.
6. Kuzovkina T. 2007. “Bulgarin do 14 dekabrya 1825 g.: k probleme rekonstruktsii literaturnoy biografii” [Bulgarin until December 14, 1825: the Problem of Literary Biography Reconstruction]. In: Pushkinskie chteniya v Tartu 4: Problemy refleksii i kommentariya. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, pp. 270-299. Tartu.
7. Ospovat A. L. 1998. “K istochnikam pushkinskoy temy milost — pravosudie (“vostochnaya” povest F. V. Bulgarina)” [To the Sources of Pushkin’s Theme of “Favor — Justice” (“Eastern” Novel by F. V. Bulgarin)]. In: Polutropon. K 70-letiyu . N. Toropova, pp. 591-595. Moscow.
8. Saadi. 1951. Gulistan. Pamyatniki literatury narodov Vostoka [Gulistan. Literature Heritage of the Oriental People]. Review, translation, introduction and notes by R. M. Aliev. Moscow: Izdatelstvo Vostochnoy literatury.
9. Saadi. 1971. Bustan. Translated by V. Derzhavin; compiled, introduction and notes by R. Aliev. Dushanbe: Irfon.
10. Saadi. 1988. Guliston. Dushanbe: Donish.
11. Sale M. S. (transl.). 1982. Kniga tisyachi i odnoy nochi [Arabian Nights]: in 8 vols. Translated from Arabian, 2nd edition, vol. 2. Dushanbe: Irfon.

12. Sale M. S. (transl.). 1982. *Kniga tysyachi i odnoy nochi [Arabian Nights]*: in 8 vols. Translated from Arabian, 2nd edition, vol. 1. Dushanbe: Irfon.
13. Sale M. S. (transl.). 1983. *Kniga tysyachi i odnoy nochi [Arabian Nights]*: in 8 vols. Translated from Arabian, 2nd edition, vol. 5. Dushanbe: Irfon.
14. Sale M. S. (transl.). 1984. *Kniga tysyachi i odnoy nochi [Arabian Nights]*: in 8 vols. Translated from Arabian, 2nd edition, vol. 8. Dushanbe: Irfon.
15. Sale M. S. (transl.). 1984. *Kniga tysyachi i odnoy nochi [Arabian Nights]*: in 8 vols. Translated from Arabian, 2nd edition, vol. 6. Dushanbe: Irfon.